

ПРОЛОГ

Догорела одна из лучин, и в землянке стало ещё темнее, чем было.

Раздался тихий вздох — нет, мол, так никуда не годится. Не хватало ещё ворожить, подслеповато шурясь.

Пальцы нашарили другую лучину. Подожгли её, вставили в светец, но перед этим поднесли огонёк к лицу мужчины. Это был молодой дружинник из Стоегоста. Веки его дрогнули, но не поднялись — хорошо, значит, чары одурманили на славу.

Лицо дружинника до сих пор выглядело растерянным и хмурым. Оно было красиво, это лицо, — совестно портить то, над чем корпела природа, но что поделать? Легче было бы работать над тем, кто, ударившись в разгул, давно утратил человеческий облик, но такого ещё попробуй найди. Да не простого, а с раскроенной душой — чтобы проще распаривать. Не срослось. Как получилось, так получилось. Что теперь размышлять?

Рука метнулась выше, и лучина осветила стол целиком. Пожалуй, затащить сюда дружинника оказалось сложнейшим из всех дел. Стоегостский господарь не держал при себе хлипких юношей, а жаль — сослужил бы добрую службу тем, кто подыскивал себе жертву для тёмной ворожбы.

Снова — вздох.

Ах, ворожба.

Скажешь «Вольные господарства», и люди представят себе соборы и терема, пёстрые базары и разудалых воинов, что борются на поясах в ярмарочный день, — подходите ближе, румяные зеваки, да полюбуйте, каких силачей рождает эта страна!.. Люди вспомнят о хитрых бравых господарях, которые то воюют с соседями, то сватают за них своих дочерей. Вспомнят и об их господарынях: пока одна кротко прячется в глубине расписных хоромин, другая подаёт послам чаши с ядом.

Все знают, что Вольные господарства — богатые, дикие земли. Их леса раскидисты. Их реки полноводны. Их полям не видать конца и края — чёрная почва благодатна для любых семян, но лучше прочего здесь всходят семена колдовства.

По лицу дружинника скользнула полоска света. Огонёк перекинулся с лучины на маковку восковой свечи. Одна свеча, вторая: фитили распускались колыхающимися цветами, совсем как в золотоглавых соборах.

Это становилось почти смешно. Нет уж, сейчас не до соборов, и думать хотелось совсем не о них, а о колдовском ремесле.

Если скажешь «колдуны Вольных господарств», люди — и чужаки, и сами господарцы — скорее переиначат сплетни о чародейских дворах пана Авро и госпожи Кажимеры, словно и нет других дворов. Охотно расскажут о тысячеком старике, который учит своих подопечных менять внешность, точно одежды, и вспомнят о женщине, в чьём тереме живёт множество чародеек-птиц — эти девушки распутывают ниточки человеческого разума и ловко свивают их заново. Они играют чувствами и воспоминаниями так же, как двор пана Авро — телами. Но эта волшба — для дворцовой борьбы и шёлкового наушничества, а Вольные господарства — больше, чем стольные города.

Не правда ли, *дружинник*?

Скрипнул стул. На стол поменьше высыпались ножи и иглы, причудливые щипцы и исписанные листы пер-

гамента и жёлтой бумаги. На одних виднелись только крючковатые буквы, на других — ещё и чернильные рисунки. Это было грозное существо — получеловек-полу-волк, нарисованный с одного бока и другого, по грудь и в полный рост.

Волчьи шкуры лежали тут же, на полу. А рядом — череп, скалящийся пустой хищной пастью.

Это была славная задумка: страх неведомого зверья у господарцев в крови. Узнаешь, где оно рыскает, если выглянешь за городские стены и посмотришь на север — туда, где туманные боры и бездонные реки. Здесь между соседними деревнями — долгие, долгие вёрсты да перекошенные избы, огороженные частоколом. На дверях — охранительные знаки, ибо никогда не знаешь, кто попросится на твой порог. Живой или мёртвый? А может, то принесло чародеев из лесных чертогов?

Все в господарствах суеверны, но никто не блюдёт древние обычаи ревностнее, чем жители далёких селений. Они-то знают — промашка дорого обойдётся. Так и следуют старым заветам: не ходи проверять, если ночью услышишь, как кто-то скребётся в твои ворота. Не купайся в цветущем озере. Не позволяй человеку, которому не доверяешь так же, как самому себе, увести тебя в чашу — даже если твой проводник выглядит безобидным.

Или *особенно*, если твой проводник выглядит безобидным. Из тех, что дружинников на стол играючи не закидывают.

Уголок рта оттянулся, насмешливо прищёлкнул: да уж, этому воину следовало быть осмотрительнее! Если он и покидал родной Стоегост, то наверняка по поручению своего господаря — собирать дань и усмирять непокорных. Едва ли няньки пели ему о зимних ночах и волках-оборотнях, воющих на белую луну. Скорее баяли о ратных подвигах, но где они сейчас, эти подвиги? Помогут ли дружиннику его кинжал или лук? Выручат ли крепкие кулаки?

Не помогут. Не выручат. Потому что в этих землях есть сила куда страшнее.

Стул закрипел снова — довольно расслаживаться. На стену, медовую в отблеске свечей, легла тень.

Руки ошупали скулы, челюсть и подбородок — крепки ли у дружинника кости, толста ли кожа? Перед тем как начать, следовало оценить гибкость суставов, измерить частоту дыхания и сердечного стука... А потом — стянуть с тела одежду и обтереть его тряпичей, смоченной в крепкой настойке.

Тень на стене удлинилась, сгорбилась.

Пальцы продолжили скользящий бег, но теперь под подушечками заklubилась чёрная волшба. Прикосновения оставляли на дружиннике следы, похожие на сажевые росчерки. Метки на лице и шее, животе и рёбрах, конечностях — словно портной подготавливала ткань к раскрою.

Из инструментов на столе выбрать тонкий нож, прокалить его над свечным огнём... Лезвие не успело проложить первую линию вдоль грудины, когда дружинник встрепенулся и приподнял веки. Глаза его были шальными, невидящими.

Зрачки тревожно забегали и с трудом остановились на чужом лице.

— Ты? — Дружинник облизнул губы. Ему не было больно, только страшно. — Что... где...

В глазах — ни единой целой мысли.

— Всё хорошо. — Голос успокаивающий и почти ласковый, будто дружинника не удерживали здесь силой. — Не тревожься.

Рука подхватила чистую тряпицу и промокнула начатый разрез.

Дружинник мотнул головой, но не сумел завершить движение — на него с новой силой навалилась дурманная кодовская тяжесть.

— Отпусти, — прохрипел только. — Пожалуйста.

— Обязательно отпущу. — Это даже не ложь, а изящная полуправда. — Чуть позже.

Взгляд дружинника снова дёрнулся, остекленел. Слепо скользнул по заколоченному оконцу и низенькому потолку.

— Сейчас, — повторил упрямо. Волшба не оставила в нём ярости, и по его щеке, едва не смазав росчерк, скользнула бессильная злая слеза.

В этот раз ему не ответили — чары окрепли, и дружинник вновь провалился в сон. А тонкий нож продолжил своё дело — сместился и замер над дружинниковым сердцем. Оно билось ровно, но медленно, и сквозило от него грубым чародейством: точно хотели осторожно поддеть жилку, но вместо острого инструмента использовали тупой — вот и пробили, расковыряли... Обыкновенно ученицам госпожи Кажимеры ничего не стоило приворожить такого молодого воина, как этот, но, видно, над беднягой орудовала совсем неумелая девица. Вот и истаскала душу так, что теперь та сама расслаивалась и отходила от тела, как переваренное мясо — от костей. Удобное сырьё для ворожбы, ничего не скажешь. Режь и шей как вздумается.

Вот и оставалось резать и шить — кожу и связки, жилы и мышцы... Отчаяние и жажду мести. Переворачивать, полосовать и накладывать ровные стежки. Сплавлять человеческое тело с чёрными дымными чарами и приваривать его к волчьим шкурам. Крошить душу и лепить из неё новую, поизмученнее.

Свечи таяли и капали воском. Тень на стене то устало распрямлялась, то сутулилась ещё сильнее.

В корыто на полу падали намокшие тряпицы и иглы с затупленными ножами: кровь на них была уже не красная, а вязко-чёрная, словно смола. Такая принадлежала не человеку и не зверю — чудовишу.

Обе руки были заняты. Правая шила, левая придерживала края раны — оттого упавшую прядь волос пришлось убирать неловко, движением предплечья. Но лоб взмок, и прядь никак не убиралась.

Тяжело, конечно, но лишь потому, что долго — наверняка займёт не один день. Работа эта была кропотливая,

требующая сноровки и особой внимательности, а что о колдовстве... Если умение ляжет на характер — нет, совсем не тяжело. Напротив, не сыскалось бы дела легче, чем превращать человека в чудовище.

Иногда для этого даже не требовалось плести чары.

Глава I

Терем в чаще

Тук-тук-тук.

Сердце билось громко и горячо — того гляди и лопнет.

Грудь пылала, а язык присыхал к нёбу. По ногам хлестала холодная трава. Руки с трудом удерживали ребёнка: Ясек был мал, но здоров и тяжёл, так тяжёл, что Ольжана не знала, сумеет ли его донести, — а над полем неумолимо вставало солнце.

Хрусть. Хр-русть.

Земля замёрзла за ночь, и теперь под подошвами ломалась ледяная корка. Ольжана бежала на восток, и у неё рябило в глазах от розовых и рыжих полос. Всё виделось в розовом и рыжем: заиндевшая трава, светлеющее небо и холм, на котором стояла родная деревня.

Только лес, оставшийся за их с братом спинами, был чёрным.

Ольжана оглянулась — над деревьями с граем кружили птицы. В их деревне говорили: никогда не знаешь, какое животное в Чернолесье взаправду животное, а не ученик колдуна, живущего в чаще.

Превеликие Персты! Или Тайные Люди, Ольжана не знала, к кому ей взывать. У неё колело в боку, а на глаза наворачивались слёзы. Колдун из леса сказал: если Ольжана не успеет вернуть брата домой до рассвета, то он его заберёт, — а солнце вставало так быстро...

Ольжана споткнулась и покати́лась кубарем по траве. Ясек выскользнул из её хватки, но не заревел, только захныкал — недаром колдун сморил его чарами.

В голове зазвенело. Мир стал расплывчатым, и мгновение Ольжана не понимала, где верх, а где низ. Подтянув к себе брата, она взбрыкнула ногами и попыталась встать — ничего не вышло. Ольжана промучилась всю ночь, надеясь выбраться из леса, а сейчас, когда уже видела свою деревню, понимала, что у неё не осталось сил.

Конечно, всё это было неспроста. Ольжана не понравилась колдуну, назвавшемуся ей Йоваром, хозяином Чернолесья. Он хотел поизмываться над ней и сделать всё, чтобы в его тереме остался Ясек, а не она. «Твой брат, — говорил он ей, — окажется полезнее, чем ты». Ольжану, по словам колдуна, будет трудно обучить, она слишком взрослая — тринадцать лет, а зимой — уже четырнадцать. К тому же она девка, а с девками — тут он сплюнул — всегда много хлопот. Если уж можно выбирать, то кому нужны слуги, с которыми полно мороки?..

«Не на меня злись, — хмыкал Йовар, — а на своего папашу. В следующий раз неповадно будет врываться в мои владения».

А толку злиться?

Ольжана стиснула зубы, перехватила Ясека и поднялась на ноги одним неуклюжим рывком. Ей было до тошноты жарко — хотя здесь, на севере, не стоило бегать осенним утром в простом сарафане. Но ещё в лесу Ольжана стянула свою душегрею и обернула ею брата, чтобы тот не замёрз.

— Нам недалеко осталось. — Она торопилась, неловко подволакивая ногу. — Слышишь?

Ясек, наверное, не слышал, лишь морщился в чародейском сне.

— Чуть-чуть совсем. — Ольжане не хватало воздуха, но ей казалось, что если она замолчит, то развалится на части.

Чтоб его, колдуна! Он сам предложил отцу Ольжаны: если у того есть другие дети, пусть любой из них придёт и займёт место этого младенца. Видно, Йовар надеялся на кого угодно, только не на мягкотелую купеческую дочку — по Ольжане с первого взгляда было видно, до чего же она домашняя девочка.

Её губы были сухими и лопнули, стоило Ольжане утереть их рукавом. Она любила шитьё и сплетни и боялась не то что чёрного леса — своей тени; но это она была старшим ребёнком купца, свернувшим с большака в чащу, и это она подслушала, что отец — воротившийся без Ясека, за ночь постаревший лет на десять — рассказывал опешившей матери.

Солнце показалось наполовину. Ольжана поднималась по холму.

— Этот колдун — дурак, ты знаешь? — Она шумно дышала и смотрела перед собой стеклянным взглядом, а Ясек сопел ей в ответ. — Он решил, что я не успею и отдам тебя ему.

Она криво улыбнулась и перехватила Ясека под спину.

— Но я тебя не отдам.

Юрген даже не удивился, когда отыскал мальчишку на кухне. Где ещё отсиживаться новеньким? Чародейский терем был огромен, но никто бы не решился прятаться в чужих спальнях. Во дворе же часто упражнялись старшие ученики Йовара, напускавшие на себя такой грозный вид, что Юрген сам предпочёл бы держаться от них подальше, если бы был не юношей, а маленьким несмышлёнышем, только попавшим в услужение к колдуну.

— Ну. — Юрген пригнулся, чтобы не задеть дверной проём. — Давай знакомиться.

Их кухня была маленькая — даже чересчур маленькая для избы, где жило и воспитывалось больше десятка чародеев. Здесь редко готовили, за стирпню у них отвечала

Букарица, и Юрген решил, что надо будет показать её мальчишке. Только не сейчас — попозже, когда тот слегка привыкнет.

Мальчик сидел за столом. Он был тощий, взлохмаченный и рыжий, уже дочиста выкупанный. Торопливо черпал кашу огромной ложкой, но, когда Юрген вошёл, поперхнулся и замер. Скосил глаза на Бойю, крутящуюся у печи, — кто это, мол? Опасный или не очень? Но Бойя варила зелье и даже ухом не повела. Перекинула за спину чёрную косичку, выбившуюся из высокой причёски из кос и распущенных волос, и вытерла руки о передник — белый, как сорочье брюшко.

— Не пугайся. — Юрген устроился на скамье напротив. — Ешь.

Мальчик продолжил, но настороженно. Навскидку ему было лет восемь — Йовар обрадуется, когда вернётся. Дети легко учатся, и из восьмидетного ребёнка можно вырастить искусного колдуна. Йовару это важно, ученики для него — глаза и уши с тех пор, как он рассорился с другими главами чародейских дворов и потерял право выходить за пределы родного леса.

— Ну раз ты пришёл, — произнесла Бойя, измельчая травы в ступе, — забирай его и возись с ним сам. Извини, Сава, но у меня других дел полно. Понимаешь, у каждого из нас свои обязанности и раньше за желторотиками присматривала Ольжана, но что прикажешь делать, если её теперь нет? — Бойя развернулась и вскинула тонкую чёрную бровь. — Ха! Попробуй уговорить кого-нибудь заняться новенькими — у нас же тут все важные чародеи, у всех свои серьёзные чародейские дела, одни мы с Юргеном бездельники. Да, Юрген?

Тот улыбнулся. Они с Бойей были единственными, кого новенькие не боялись, — или, может, единственными, кто не хотел их шугать.

Бойя шуточно потрясла большим ножом.

— Возмутительно. К слову, Савушка, я нашла тебе ещё одежду, заberi её... Да, вон там, на скамье. Чего ты удив-

ляешься? Посмотри на нас, мы все ходим в чёрном, синем или, ну, скажем, каком-нибудь вересковом... Можно сказать, что это негласные цвета нашего двора.

— Цвета чего? — переспросил Сава, а Юрген вздохнул.

— Я объясню. Спасибо, Бойя. — И добавил, не удержавшись: — Только *не трещи*, пожалуйста, а то совсем как сорока.

Наверное, по Бойе сразу можно было понять, в кого она превращалась — шумная и тонкокостная, любившая блестящие серебряные украшения едва ли не больше, чем Ольжана.

— Хорошо, не буду. — Бойя сощурилась. — Ну тогда ты уж рассказывай, не отмалчивайся. Правда ведь: не бойся собаки брехливой, а бойся молчаливой.

Ответ был засчитан.

Юрген перевёл взгляд на мальчишку. Теперь Сава облизывал ложку и посматривал из-под бровей иначе — не испуганно, а с любопытством. Великое ли дело — рассказать ему обо всём!.. Но Юрген смешался, внезапно понял, что не знает, с чего начать. Помедлил, прочистил горло и мысленно признал: да уж, Ольжана знакомилась с детьми куда непринуждённее.

— Что ж, Сава... — пробормотал он. — Ты слышал, меня зовут Юрген. Я один из учеников Йовара.

— Он его любимчик, — бросила Бойя через плечо. — О, не бойся, я не говорю так Хранко. Ах уж эти выросшие мальчишки, Сава, вечно соперничают!..

Юрген удивился и хотел было ответить, что делить им нечего, но промолчал. Подумал: неужели Хранко рассказал Бойе что-то, заставившее её подумать об их *соперничестве*?

— Не слушай её. Мы живём дружно. — Юрген почесал нос. — По большей части. А теперь скажи, что ты уже знаешь?

Сава заёрзал на лавке.

— Это изба лесного колдуна. Когда он вернётся, то возьмёт с меня клятву. Я буду служить ему восемь лет, а взамен он станет обучать меня всякому ведовству. И кормить меня

будет, и держать в тепле. Но это если я ему понравлюсь. А если не понравлюсь, он меня сожрёт.

Боя криво усмехнулась. Юрген закатил глаза.

— Последнее — кто сказал?

Сава раскинул руки:

— Парень. Высокий такой. И широкий.

— Это Якоб, — произнесла Боя, кружа над своим варевом. Ненадолго обернулась: — Познакомитесь ещё. Ну, Юрген, перестань играть желваками, что с Якоба взять? Не первый год его знаешь. Нет, Савушка, никто тебя есть не будет. Разве что я сейчас в зелье закину, если слабоватое выйдет...

Шутки Бойи не казались угрожающими, и Сава только фыркнул. Но Юргену всё равно стало за него обидно: ясно ведь, что мальчишка — беспризорник и, как и многие другие, отправился в эту избу в надежде, что здесь ему дадут пропитание и приют. Нашёл Якоб кого запугивать.

— Никто не сделает тебе дурного, — сказал Юрген. — Но ты должен понимать, что клятва есть клятва. Слово, данное колдуну, нельзя нарушить. Если надеешься обхитрить кого-то из нас, лучше сразу уходи, иначе добра не сыщешь. То, что прикажет Йовар, надо исполнять беспрекословно: скажет учить — будешь учить. Скажет бежать или лететь через лес — будешь бежать или лететь. Служба у него суровая, а лентяев он не терпит. Но если согласишься, то постигнешь чародейскую науку и станешь как мы. Тебе есть куда возвращаться, Сава?

Тот махнул головой.

— Мамка недавно померла. Батя ушёл на заработки в Борович, только от него много лет ни слуху. — Ковырнул столешницу грязным ногтем. — Я с тёткой жил. У неё своих детей полно, она едва меня терпела. Прошлый год вышел совсем голодным, и тётка как с цепи сорвалась. Колотить принялась больнее, чем обычно, ну я и дал дёру.

Почти все ученики Йовара выросли из детей, которым некуда было податься, — голод казался им страшнее неведомого колдовства. Только Ольжана родилась в богатой

семье: её отец был зажиточным купцом из местечка под Боровичем. В год, когда она пришла, Йовару настолько не хватало учеников, что он заставил купца свернуть с дороги в лес — а потом наигранно рассердился и потребовал плату ребёнком.

Эх, Ольжана-Ольжана.

Сава заглянул Юргену в лицо.

— Я лениться не буду. Тётка говорила, что я ленивый, но это неправда. — Помедлил, начал осторожно: — Господин колдун, вот ты сказал: «Скажет лететь через лес». Меня научат летать?

Глаза — восторженные и большие, как позеленевший от времени тяжёлый господарский медяк.

Юрген хмыкнул.

— Господин колдун! — повторил эхом. — Не вздумай так назвать Йовара, озвереет. И к нам обращайся только по именам.

Он поднялся, докинул мальчишке ещё каши, а горшок предусмотрительно отставил подальше от печи — Бойя бросала коренья в свой котелок, и брызги летели во все стороны.

— Нас зовут перекидышами или перевёртышами. — Юрген снова сел напротив. — Иначе — чародеями-оборотнями. Первое, чему учится каждый из нас, — обращаться в животное. Это может быть зверь, рыба или птица, насекомое или пресмыкающееся — словом, всё что угодно, но всегда одно и то же. Оборотничья форма способна многое рассказать о нраве чародея, но кто ты, узнаешь, только когда впервые перекинешься. И если обратишься в птицу, конечно, сможешь летать — как Бойя-сорока.

Сава так и не донёс ложку до рта.

— Превеликие Длани!

Бойя засмеялась и сказала ласково, с жалящей хитрецей:

— Оставь своих Дланей за порогом, Савушка. Мы тут чтим духов и Тайных Людей.

— Обыкновенно, — продолжал Юрген, — чародей впервые перекидывается через год учёбы.

— Ольжана перекинулась только спустя три, — напомнила Бойя, помешивая зелье веточкой шиповника. — Йовар ей за этот срок чуть всю душу не вытравил. Но Ольжана была старше — не помню, чтобы сюда ещё приходили подростки... А ты, Юрген?

— Помню, — отозвался неохотно.

— Понимаешь, — начала Бойя, — Юрген застал больше учеников, чем я. Когда заканчивается срок службы, не все покидают Йовара. Если чародей преуспел в волшеббе, отчего бы ему не остаться? Мы продолжаем постигать колдовство, уже не связанные никакими клятвами, как свободные люди. Я при Йоваре тринадцать лет. Хранко — сердце моё — семнадцать. Юрген младше нас, но живёт здесь дольше всех.

— Сколько? — спросил Сава с набитым ртом.

Юрген догадывался, что считать он не умеет, но покорно ответил:

— Двадцать.

Сава нахмурил жиденькие рыжие брови.

— А лет тебе сколько?

— Двадцать, — повторил Юрген, чувствуя себя бараном. — Это ничего не значит.

— Не скромничай, — усмехнулась Бойя. — Колдуны не любят брать себе в обучение младенцев, кому охота с ними нянчиться? Поэтому Юрген исключителен. Он говорит: «Чародей впервые перекидывается через год», но попробуй спросить его, когда он впервые перекинулся сам, не вспомнит — так был мал.

— Ну хватит. — Юргену это не нравилось. Будто Хранко поддразнивал его через Бойю.

Сава подпёр щёку ладонью.

— В кого ты обращаешься?

— В собаку. — Вздохнул с облегчением: сменили тему. — В большого чёрного пса. Якоб, которого ты видел, — вепря. Хранко, жених Бойи, перекидывается в ворона, а Йовар, как хозяин леса, конечно же, в медведя. Тоже чёрного — да, многие из нас превращаются в чёрных животных.

Сава поскрёб ложкой о дно тарелки:

— А Ольжана, про которую вы говорили?

Во рту у Юргена стало горько.

— В малиновку, — ответила Бояя вместо него. — Перистый шарик с оранжевой грудкой. Мы должны были заметить, как сильно она отличается от чародеев нашего двора, но отчего-то не заметили.

Лзунья. Бояя была подругой Ольжаны, и уж кто-кто, а она наверняка многое знала и подмечала.

— Что с ней стало? — нахмурился Сава. — Её убили?

— Нет, — быстро произнёс Юрген. — Срок её клятвы истёк, и она ушла. Вот и всё.

Конечно, никакое не «вот и всё» — то, куда Ольжана ушла, поразило их всех, и Юргена — едва ли не больше остальных. Ольжана была ему как родная сестра.

Бояя переставила котелок в печь и, поймав взгляд Юргена, сверкнула белыми зубами.

— Расскажи ему, — предложила она. — Пусть знает.

Ладно уж. Пусть.

Юрген встал и пошарил по столам вдоль стен — на кухне валялась тьма чужих безделиц. Наконец он нашёл среди вещей Бояи узловатую веточку и огарок свечи и выложил их перед Савой вместе с камешком и затёртой пуговицей. Для наглядности.

— В Вольных господарствах, — сказал он, — есть четыре чародейских двора. Раньше был пятый, но теперь он уничтожен. Дворы как мастерские, и у каждой из них свой подход к волшебю. Во главе дворов стоят искуснейшие чародеи, объединившиеся друг с другом в совет, названный Драга Ложя.

— Совет. — Бояя закатила глаза. — Чародеи Драга Ложя давно друг с другом не советуются. Йовар вообще с ними в великой ссоре — они запретили ему выходить за границы его владений.

— Так вот, — продолжал Юрген, указывая на ветку; Сава следил за его пальцем и не дышал. — Это мы, Дикий двор. Не знаю, кто придумал название — может,